

Горшеня.

езъ мужикъ на базаръ горшки продавать,—и нагоняетъ его великій государь Петръ Алексѣевичъ. Придержалъ государь коня и говоритъ: «Здорово, горшеня! Миръ по дорогѣ.»—«И тебѣ, бояринъ, много лѣтъ здравствовать.» Не призналъ мужикъ государя, потому что и видѣть-то его не приходилось да и ѣздили царь Петръ Алексѣевичъ часто одинъ, безъ свиты, въ простомъ платьѣ,—правду на Руси да добрыхъ слугъ себѣ съискивать.

— Хорошо-ли, горшенюшка, торгуешь?—спрашиваетъ мужика государь.—«Да, слава Богу, бояринъ; иной годъ рублей сорокъ пользы остается.» — «Куда же ты столько денегъ дѣлаешь?»—«Десять рублей—въ подать взыношу, десять долгу плачу, десять взаимы даю, да десять въ окно кидаю.»—«Что-то, горшеня, непонятно.»—«Правду-то, бояринъ, не всякому понять. А ты смекни-ка: долгъ платить—отца съ матерью кормить, взаимы давать—сына воспитывать, за окно кидать,—дочь для чужой семьи растить.»—«Такъ, горшенюшка, такъ.» — «Вотъ и живу, бояринъ; годъ-то прошелъ,—смотришь: безъ худа и остался.»—«Безъ какого худа?»—«Эхъ, бояринъ! Въ худѣ живете, а худа не видите: ужъ что есть на свѣгѣ хуже денегъ. Изъ-за нихъ всѣ другъ другу завидуютъ, бранятся, одинъ другого грабятъ, убиваетъ. Завелась у убогаго нищаго въ котомкѣ мѣдная денежка,—смотри, и на ту чей нибудь глазъ зарится.» — «Не обидѣлъ Богъ тебя, горшенюшка, разумомъ! А видалъ ли когда того, кому четвертую-то часть пользы отдаешь?»—«Нѣтъ, бояринъ, гдѣ ужъ намъ въ царевы ясныя очи глядѣть; не приводилось государя видѣть.»—«Такъ ты, горшенюшка, пожалуй, встрѣтишь царя,—не узнаешь да и опростоволосишься.»—«Какъ не узнать, бояринъ:

передъ царемъ-то, вѣдь, всякій съ дороги сходитъ, съ телѣги слѣзаетъ да шапку снимаетъ.»

Какъ разъ на тотъ случай попадаетъ имъ на встрѣчу боярскій обозъ. Запримѣтили царя, узнали — сейчасъ долой съ дороги, слѣзли съ лошадей, вышли бояринъ съ боярыней изъ кареты, слуги изъ повозокъ, поснимали шапки, стоятъ и кланяются. — «Ну что, горшенюшка, понялъ?» — спрашиваетъ государь мужика. — «Понялъ, бояринъ: либо ты — государь, либо — я. Оба мы не пѣшіе и въ шапкахъ, а всѣ передъ нами шапки ломаютъ да съ дороги сходятъ.» Засмѣялся великій государь Петръ Алексѣевичъ мужиковой уверткѣ, а тотъ слѣзъ съ телѣги, поклонился царю земно и говоритъ: «Прости, надежа-государь мои мужицкія шутки да глупыя прибаутки.» — «Богъ проститъ, горшенюшка.»

Поѣхали дальше, — горшеня около телѣги идетъ, а царь рядомъ ѣдетъ. «Есть тутъ въ вашей сторонѣ, — говоритъ царь, — монастырь, что «Безпечальнымъ» зовутъ, а въ томъ монастырѣ, будто-бы, игумень ужъ больно умный?» — «Какъ этому монастырю, государь, безпечальнымъ не зваться: земли у него много, лѣса, пашни, рыбныя ловли, всего въ волю; сколько селъ да деревень къ нему приписано, и работаютъ теперь крестьяне на монастырь, какъ крѣпостные. А по правдѣ-то, государь, — мужики эти твои царскіе, вольные испоконъ вѣковъ были. Да и впрямь хитеръ-умень нынѣшній игумень: отсудилъ ихъ монастырю, не пожалѣлъ денегъ подъячимъ да судьямъ неправеднымъ.» — «Правду ли, мужикъ, говоришь, — строго спрашиваетъ государь. — Не по злобѣ-ли? Смотри: у меня ложному донощику — первый кнутъ.» — «Правду истинную, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ тобою, великій государь.»

— Ну, — говоритъ царь, — прощай, умный горшеня. Поѣду я теперь въ этотъ Безпечальный монастырь, посмотрю на игумена. Коли и вправду умень, а не хитеръ только, хоть и виноватъ — помилую. Мнѣ умные люди надобны.» Хлестнулъ государь коня и поѣхалъ шибко отъ горшени.

Ѣхалъ долго-ли, коротко-ли и подѣзжаетъ къ монастырю. А монастырь былъ старинный и стоялъ въ глухомъ бору.

У воротъ сидѣлъ старый-престарый привратникъ, увидаль государя, всталъ и кланяется. Приказаль царь позвать сейчасъ же игумена передъ свои свѣтлыя очи, и говоритъ ему: «Слышалъ я, отецъ, что больно ты умень да съ подъячими ласковъ. Загадаю я тебѣ три загадки: коли отгадаешь, такъ не поставлю тебѣ въ вину, что ты

Старый-престарый привратникъ увидаль государя, всталъ и кланяется.

неправдою къ монастырю моихъ государевыхъ вольныхъ мужиковъ приписаль, хотъ и отберу ихъ: не слѣдъ монахамъ чужимъ трудомъ жить. А не отгадаешь,—не помилю. Вотъ тебѣ загадки: первая: *сколько звѣздъ на небѣ*, вторая: *чего я, русскій царь, стою*, и третья: *что я думаю*. Даю тебѣ сроку до завтрашняго дня. Теперь поѣду я въ городъ, разберу, что съ тобою подъячіе напутали, а буду назадъ ворочаться,—будешь ты мнѣ и отвѣтъ держать.»—Хлестнулъ коня и уѣхаль, а игумень остался у воротъ ни живъ, ни мертвъ со страху.

По сказанному, какъ по писанному, разобралъ государь въ городѣ все дѣло: плутовъ судей да подъячихъ, что совѣсть и присягу продавали, не помиловаль, и поѣхаль обратно. А горшеня продалъ на базарѣ свой товаръ съ барышкомъ и думаетъ: «Что-то теперь въ нашемъ монастырѣ дѣлается, не заѣхать ли отца игумена утѣшить: грозентъ, молъ, царь да милостивъ Богъ.» И поѣхаль.

Пріѣзжаетъ горшеня въ Безпечальный монастырь и видитъ въ монастырѣ печаль великую: сидитъ игумень съ братьею, налъ царевыми загадками думаютъ,—ничего придумать не могутъ. «Что, отецъ игумень, не весель, голову повѣсилъ,»—спрашиваетъ мужикъ. И разсказаль ему игумень свое горе. Подумаль горшеня и говоритъ: «А вѣдъ загадки-то эти я разгадаю.» Сталь его игумень просить-молить, чтобы горю пособить, горшеня отказывается: «Боюсь,—говорить,—впутываться: это дѣло государево; твой, вѣдъ, разумъ царь испытываетъ, а не мой.» Посулиль ему игумень за помощь сто рублей, сейчасъ и деньги принесъ все серебряными рублѣвиками, насильно въ руки суетъ. Поглядѣль мужикъ на деньги, еще подумаль и говоритъ: «Ну ладно: выручу я тебя. Ложись теперь спать: утро вечера мудренѣе, а завтра, какъ пріѣдетъ государь, одѣну я твое игуменское платье и выйду къ нему за тебя.» Игумень и радъ—боится царю на глаза показаться.

Пріѣхаль на другой день государь къ монастырю, сумрачный, зоветъ игумена передъ свои грозныя очи. А вышелъ-то къ нему горшеня. Не узналь царь его въ монашескомъ одѣяніи и спрашиваетъ: «Ну что, разгадалъ, старикъ, мои загадки?» — «Разга-

даль, государь. Первая твоя загадка: сколько звѣздъ на небѣ. Столько ихъ, государь, сколько вотъ въ этомъ возу маковыхъ зеренъ, да еще въ Большой Медвѣдицѣ—семь звѣздъ.»

А около воротъ стоялъ возъ съ макомъ, привезли его въ монастырь на мельницу, масло изъ мака жать.

— Не правда это! — говоритъ царь. — «А вотъ провѣрь, перечти, государь: такъ точно выйдетъ. Вторая твоя загадка: чего ты стоишь. Исуса Христа, Царя нашего Небеснаго, жиды въ тридцать сребренниковъ, говорятъ, оцѣнили. Ну, по этому судя, за тебя, земнаго царя, все-таки больше двадцати девяти нельзя дать.»

Улыбнулся царь. «Ловко сказано. Не даромъ тебя, игумень, умнымъ величаютъ.»

— А третья твоя загадка, — говоритъ горшеня: — что ты, государь, думаешь. Думаешь ты, государь, что я — игумень, анъ нѣтъ: я тотъ самый горшеня, съ которымъ ты вчера дорогою ѣхалъ.

Узналъ его царь и разсмѣялся: «Ну, ловокъ ты, горшеня! А все-таки не хвалю тебя: не слѣдъ тебѣ не въ свое дѣло соваться.» — «И самъ я такъ думалъ, государь, — говоритъ мужикъ, — да твое же царское лицо меня съ пути сбило.» — «Какъ такъ?» — «Да вотъ какъ, государь,» — и вынулъ горшеня изъ кармана сто рублей, что ему игумень далъ. А на рублевикахъ то, вѣдь, царскій портретъ выбить.

— Ну, Богъ съ тобой, — говоритъ государь: — ради твоего ума и съ тебя не взыщу и игумена помиую. Умѣлъ ты, горшеня, ловко отвѣтъ держать, умѣй хорошо и дѣло дѣлать. Сбирайся и явись ко мнѣ въ столицу. Посажу я тебя съ хитрыми иноземными послами рѣчь вести, нашу царскую пользу блюсти.»

Такъ-то сталъ жить горшеня въ столицѣ, вѣрно царскую службу править и дослужился до большихъ чиновъ.

